

КНИГА И КИНО • КНИГА И КИНО • КНИГА И КИНО

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ ПРОВОДИТ ГРАНИЦУ МЕЖДУ
ЭКСПИБИЦИОНИЗМОМ И ОТКРОВЕННОСТЬЮ

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ издал книгу, которая стала бестселлером. О ней говорят, ее ищут, с ней спорят. Казалось бы, вся пресса высказалась по поводу автора, осмелившегося в книге соединить несоединимое — творчество и личную жизнь. Но, по словам классика, поэзия рождается «на стыке далековатых понятий». Новая книга известного режиссера «Возвышающий обман» (М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. — 352 с. 30 000 экз. ISBN 5-898048-033-2) родилась именно на таком стыке, на глазах читателя превращающемся в острое ноже, по которому доста-

точно легко и уверенно гуляет автор. Наша встреча с автором книги произошла на его московской квартире. Здесь корреспондент «КО» попытался, говоря языком теледеятелей, его «расколоть».

Сюжетов, скандированных по принципу «Я и — имярек», в книге немало. Одним читателям это не понравится: сразу вспомнят песенку Окуджавы про семейство, фотографирующееся на фоне Пушкина. Другие вспомнят, что именно этот принцип был одним из слагаемых успеха мемуарной эпопеи И.Эренбурга. Третьи — и в их числе автор этих заметок и интервью

полагают, что любой человек (и художник — особенно) имеет право раскрыться не только напрямую — через свое творчество, но и опосредованно. И здесь собеседники, спутники и спутницы жизни, коллеги, просто встречные попутчики — служат оптимальным средством воплощения задачи. С первых строк книга Кончаловского ошарашивает своим безыскусным признанием: «Я люблю себя. Если честно — я себя обожаю...». Посвящения вверх титульного листа «Себе, любимому» в издании почему-то нет. Это и странно.

— Андрей Сергеевич, стало быть, вы и эгоист?

— Безусловно. Я эгоист. А вы нет? Только вы в этом не сознаетесь, а я сознаюсь. Мы все несовершенные люди. Помните у Бертолуччи фильм «Двадцатый век»? Я бы этот фильм не стал своей маме показывать. Или его же фильм «Последнее танго в Париже»... Фильм сделан отважно. Я бы сказал — безобразно отважно. Эта картина очень повлияла на меня.

Есть люди, которые доходят до определенного предела в своем восприятии мира, и им хочется перешагнуть какой-то рубеж. Иногда у них это получается, иногда нет. Вспоминаю замечательные слова Бергмана: «У художника иногда возникает желание выйти на сцену, подойти к рампе, выблывать в зрительный зал, а потом убежать за кулисы и повеситься». Боже мой! Какая фраза! Она говорит о том отчаянии, которое охватывает художника, когда он бывает искренним или неискренним. Это то, что сейчас происходит с моим братом. А сколько раз меня подозревали в неискренности?! Оказывается, «Ася Клячина» тоже была неискренняя картина...

— Странно, почему у сознательного эгоиста в таком случае не сработало чувство авторского и человеческого самолюбия: в вашей книге указан литзаписчик. Но в начале своего кинопутти вы работали как сценарист, то есть занимались литературным трудом. Напрашивается вопрос: зачем писателю литзаписчик? Кстати, если бы Нагибину, о работе с которым вы пишете в книге, предложили литзаписчика, он бы обиделся...

— Конечно! Он же писатель, а я нет. Было бы смешно говорить о том, что я писатель. Это не моя профессия. Я не благоговей перед словом, как благоговей настоящие писатели. Я просто достаточно грамотен, чтобы выражать русским языком свои мысли. И еще — я достаточно думающий человек. У меня как у думающего человека есть что выразить. Так мне кажется. Вот и все! Моя книга — не художественное произведение — это беседа. Поэтому я совершенно спокойно обратился к литературному консультанту или записчику — и он мне компилировал материал. Когда все скомпилировалось, я увидел, что это нельзя читать. Тогда я на все плюнул и сел писать сам. Хотя, конечно, не переписал всю книжку, поскольку все записи, монтаж были мои. Но были также вещи, которые надо было написать мне самому. Так что я не претендую ни в коем случае на писательство.

— Год назад у нас была встреча с вашим старым творческим соратником сценаристом Юрием Клепиковым. И он так же, как черт от ладана, открещивался от профессии «писатель» и твердил: «Я сценарист»...

— Это тоже профессия — сценарист.

— Неужели создание сцена-

риев не соприкасается краешками своими с литературной деятельностью?

— Было бы самонадеянностью расставлять по полкам — что есть литература, а что — нет. Но все-таки киносценарий не существует сам по себе. Лучшие киносценарии, как правило, абракадабра, бред собачий. Это только у нас — для цензоров — придумали так называемый «литературный вариант». У Феллини никогда не было киносценариев: он сначала снимал, а потом озвучивал, вкладывая какие-то слова. Сценарии Бергмана невозможно читать. Нельзя понять, о чем идет речь. Лишь когда вы смотрите его кино, вы все понимаете. Литература не развивается во времени. Сценарий во времени развивается: он существует только тогда, когда снят фильм. Это — как партитура...

Конечно, существуют какие-то литературные сценарии, которые можно читать как романы. Это компромисс литературы с кино. Настоящее кино — это то, что ты видишь и что ты слышишь. А литература может выражать поток сознания, занимается субъективной оценкой образов...

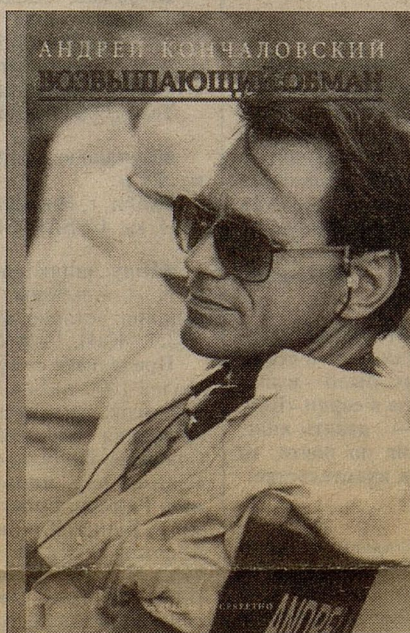
Конечно, автор книги «Возвышающий обман» лукавит. Его книга скроена по жесткому образцу западных изданий подобного — биографического — рода. Цель оправдывает средства. Книга должна читателя заинтересовать. Тогда она будет покупаться — и читаться. Книга Кончаловского читается. Автор обладает счастливой возможностью (или благосклонностью судьбы) встретиться с теми, кто составляет соль культуры XX века (во всяком случае — соль его кинокультуры) — со звездами мирового кино. Марлон Брандо, Роберт де Ниро, Майкл Йорк, Джина Лоллобриджида, Настасья Кински, Федерико Феллини... А еще — вся советская культура — от Сергея Эйзенштейна (дружившего с матерью А.Кончаловского) до Иннокентия Смоктуновского. Впрочем, демаркационная линия между творческим и личным проходит по невидимым вешкам, то и дело в книге можно прочитать: «Кто я был для Хэгмана и людей его круга? Сожитель звезды, русский приятель Ширли Мак-Лейн. Я переехал к Ширли, ел салаты, которые она хорошо готовила...» И далее: «Ширли закричала: «Джеки, у меня теперь свой русский есть!». «Когда мы встретились с Гизелой (жена миллиардера Пола Гетти-младшего. — А.Ш.), Пол уже почти год пребывал в коме... Однажды она вдруг сказала, что больше не хочет со мной спать...» «Ким была очаровательным существом. Интровертная, деловая, смелая, как могут быть американки... Мы прожили вместе года три...»

— Ваша книга написана с достаточной долей профессионального и человеческого цинизма. Я

бы, например, вашу книгу не дал читать своей маме...

— Вы мне объясните, в чем здесь цинизм? Я понимаю цинизм как философскую школу.

— Это одно значение. Давайте посмотрим в словарь.

(К сожалению, словарей в обширной библиотеке нашего собеседника не нашлось. Позже в академическом «Словаре русского языка» прочитали: «Грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности...» Впрочем, философ говорил: «Нравственность торжествует только в безнравственном обществе...»).

— Цинизм, если использовать его другое значение, — это убежденность в том, что человек многие вещи делает потому, что у него плохая мотивация, он не верит в доброго человека. Я не верю в то, что все поступают безобразно. Я вообще не считаю, что человек — хорошее существо. Не говорю уже о Достоевском, который писал, что человек — тварь... В чем мой цинизм? Я рассказываю о том, что со мной случилось. Вы читаете, что если бы я не сказал Наталье (Наталья Аринбасарова — одна из супруг режиссера. — А.Ш.), что не люблю ее, это не было бы цинично?

— Но согласитесь, что то, что вы пишете о своих отношениях с любимыми и любящими вас женщинами, — наждаком по сердцу!

— Конечно! И хорошо, что наждаком по сердцу! Было бы гораздо хуже, если бы вы смеялись, читая об этом.

— Но ведь речь идет не о придуманном литературном герое и рассказ ведется в третьем лице. Читатель имеет дело с реальным человеком-рассказчиком.

— Но так было! Понимаете? Я даже скажу больше: если бы я не написал этого, у меня было бы ощущение, что я не сделал того, что очень бы хотел сделать. Книг, в которых об этом не упоминается, тысячи. Многие делали и делают то, о чем я написал в своей книге, но эти многие ни-

когда не напишут об этом. Они, по-вашему, не циники?

— Все актеры перед камерой пытаются преподнести себя выигрышней...

— У меня другая задача.

— Тогда надо быть последовательным и добывать читателя до конца.

— Зачем же? Есть грань между экспибиционизмом и откровенностью. Каждый волен проводить свою границу откровенности. То, что я могу рассказать врачу-психиатру, я не буду рассказывать своему другу. Человеческая жизнь тем и интересна и уникальна, что существует восприятие сродни рассматриванию себя голым перед зеркалом. И тогда человек не хочет, чтобы на него смотрели посторонние. И я тоже не хочу, чтобы на меня в такой ситуации смотрели. Но когда человек знает, что за ним подглядывают, он будет вести себя по-другому. Вот и я допустил читателя в свою жизнь ровно настолько, насколько хотел допустить посторонних в свою жизнь.

— Между прочим, в первой вашей книге «Низкие истины» имеются моменты физиологического свойства — сродни приведенному выше примеру с разглядыванием себя голым перед зеркалом и выношением собственных подмышек.

— Я иду по стопам Сартра и Жан Жака Руссо. Помните, Руссо писал об этом с гораздо большим развитием темы. Так что я работаю в духе классики.

— Это из области изысканной словесности. А вы свой жанр определяете иначе.

— И то, и другое — исповедь. Другой вопрос — я мог бы вообще ничего не писать, а только наговорить на диктофон или снять крупный план и рассказать обо всем этом с экрана. Другое средство — но суть осталась бы той же. Я рассказал о своей жизни человеку, которому я верю, человеку, которому я могу открыться. Знаете, когда люди сидят на кухне, — это одно, а потом кто-то садится и начинает писать — получается совсем другое.

— Читатели и зрители — потребители высокого искусства — живут иллюзиями. Вы их разрушаете. Помните, Светлов писал: «Простите, я очень жалею старушек, но это — единственный мой недостаток...»

— Я не для старушек писал. Вообще я писал не для какой-то определенной категории людей, а для тех людей, кому это будет интересно, которые могут это принять.

— А если не примут?

— Если не примут... Ну, что же делать? Виноват. Пишется не для того, чтобы понравиться. Я написал так, как хотел написать. Не думаю, что в книге есть что-то оскорбительное.

— Кстати, на Западе будете издавать эту книгу?

— Кому она на Западе нужна?

— А Андрей Кончаловский нужен на Западе?

— Нет! Точнее, на Западе Кончаловский нужен только тем людям, которые могут заработать с ним какое-то количество денег. Кончаловский на Западе — не та персона, чьи мемуары будут раскупаться. Я не Поланский, не Тарантино и не Коппола. Я не фигура таблоида. Русский режиссер, который неизвестно где живет.

— Почему вы не сделали фигурой таблоида?

— Не знаю. Может быть, повезло, может быть, нет. Для того, чтобы сделаться персоной таблоида, нужен скандал.

Скандал своей книгой Андрей Кончаловский устроил. В координатах нашего дремучего отечества. У многих развешены иллюзии относительно жизни наших кинокумиров (и особенно — кинокумиров). Впрочем, у каждого своя правда. Книгу Кончаловского следует судить по законам (следя пушкинской формуле), признаваемым автором над собой. Законы эти трудно вписываются в наш скифский менталитет. Наши кинозвезды никогда не расскажут о том, как привезли в Голливуд шестикилограммовую банку с икрой и распределяли ее (за деньги? так?) между тамошними обитателями. Наши кинозвезды традиционно дистанцированы от потребителей своего творчества (встречи в библиотеках и кинозалах — не в счет!). Мы все знаем или, по крайней мере, догадываемся о той скрытой жизни нашей кинотусовки, о которой поведал Кончаловский в своей книге. Мы судачим о кумовстве, знакомстве, телефонном праве... Но распространяем это, как правило, на политику, бытовщину и т.д. Наши кумиры — вне подозрений. Небожители общаются с нами со сцены, голубого экрана и просто экрана. Андрей Кончаловский попытался дефлировать простодушие постсоветского обывателя (даже, может быть, не ставя себе такой цели), то простодушие, о коем Достоевский писал: «Есть простодушие, которое доверится всем и каждому, не подозревая насмешки...» Может быть, он и прав перед самим собой. Хотя, между нами говоря, отними у русского человека простодушие — и что останется?

— Кажется, в своей книге вы затронули все вопросы? Хотя, кажется, не говорите об экологии...

— Меня очень интересует политическая экология. Когда мы начнем относиться к нации как к экологической структуре и начнем думать о том, что нами управляют законы этой экологической структуры, тогда, может быть, мы подойдем к тому, что можно назвать идеологией XXI века.

— Что бы вы пожелали российским читателям?

— Наверное, чтобы у них всегда была возможность покупать книги, которые они хотят читать. А для того, чтобы иметь такую возможность, нужно иметь деньги!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ